

Из истории музейного дела в Крыму: деятельность Российского общества по изучению Крыма — Общества по изучению Крыма (1922–1932)

А. В. Севастьянов

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Российская Федерация, 295000, Симферополь, ул. Киевская, 39

Для цитирования: Севастьянов А. В. 2022. Из истории музейного дела в Крыму: деятельность Российского общества по изучению Крыма — Общества по изучению Крыма (1922–1932). *Вопросы музеологии* 13 (1): 39–56. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2022.103>

В статье рассматривается музейное направление в популяризаторской и научно-исследовательской деятельности Российского общества по изучению Крыма — Общества по изучению Крыма на фоне активного развития краеведческого движения в СССР в 20-х — начале 30-х гг. XX в. Прослежены три основные формы сотрудничества общественной научной организации с музейными учреждениями региона: участие членов Общества в работе музеев и организаторская деятельность по созданию новых музеев краеведческого профиля (в Алуште и Керчи); публикации сотрудников музеев Крыма о профильной работе учреждений на страницах печатного органа Общества — научного журнала «Крым»; авторские методические статьи членов Общества по музейной тематике на страницах журнала «Крым» (К. Э. Гриневич, В. Г. Опалов). Рассмотрение сюжетов сотрудничества краеведов-любителей, профессиональных историков, археологов, этнографов и музейных работников позволяет сформировать комплексную картину атмосферы и настроений, которые были определяющими в научном и общественном процессе первых десятилетий советской власти. Динамика краеведческих инициатив, смена приоритетов в популяризаторской работе помогают проследить закономерности трансформации краеведческого движения к началу 30-х гг. XX в., его вовлечения в непосредственную зависимость от партийного идеологического аппарата, что в итоге привело к затуханию и свертыванию активных общественных начинаний. Это в полной мере отразилось и на музейной работе, в частности в нивелировании какой-либо творческой независимости музейных коллективов, в их инкорпорации в структуру государственного идеологического аппарата. Эти действия привели к кризису краеведческого и музейного движения, способствовали разворачиванию притеснений и репрессий против советских краеведов и музейщиков в течение 30-х гг. XX в., как на общесоюзном, так и региональном уровнях.

Ключевые слова: музейное дело, Общество по изучению Крыма, краеведение, краеведческие музеи, журнал *Крым*.

Реконструкция вклада научных сообществ, проводивших свою работу в период всплеска краеведческих исследований в Советском государстве в 20-х — начале 30-х гг. XX в., позволяет восстановить объективную картину всестороннего изучения разных регионов бывшего СССР. Это утверждение в полной мере относится

к такому уникальному в административно-территориальном и этнополитическом смыслах образованию, как Крымская АССР (КрАССР).

В годы Гражданской войны наблюдалось активное сотрудничество крымцев с представителями отечественной науки из столичных центров, которые находили в регионе временное пристанище, спасаясь от лишений и опасностей, разрухи и политических преследований и готовясь к расставанию с Родиной¹. Местная инициатива подвижников-краеведов досоветского периода после установления советской власти в конце 1920 г. получила государственную, в том числе финансовую и организационную, поддержку. В первые «красные» годы в Крыму возникали новые учреждения и общественные организации, ставившие своей целью всестороннее изучение прошлого и настоящего полуострова². Среди этих организаций ключевую роль играло Российское общество по изучению Крыма — Общество по изучению Крыма (РОПИК, с 1927 г. в связи с получением статуса общественной научной организации в рамках всего СССР — ОПИК).

РОПИК/ОПИК — общественная организация, объединившая в своих рядах советских ученых и организаторов науки 20-х гг. XX в., массы краеведов-энтузиастов, популяризаторов крымведческих знаний. Научное общество, созданное в Москве в октябре 1922 г. на волне бума краеведческих исследований, смогло объединить в своей деятельности традиции столичных научных школ и новые методологические приемы организации регионоведческих исследований³. Заметной и продуктивной стала деятельность членов РОПИК/ОПИК в организации и развитии музейного дела в Крыму в 20-х — начале 30-х гг. XX в.

С 1921 г. на территории Крыма началось создание единой государственной сети музеев. Был создан специальный руководящий орган — Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС), в компетенцию которого входили широкие распорядительные мероприятия по реквизиции имущества из бывших дворянских усадеб и имений, подбору кадров для вновь создаваемых музейных учреждений, порядку их работы. Также ставились конкретные научные и методические задачи по созданию музейных экспозиций, определению профилизации музейных учреждений, урегулированию конфликтов музейщиков (работавших зачастую в условиях послевоенного бандитизма и при крайне скудном материальном обеспечении) с представителями низовых органов рабоче-крестьянской власти. В целом новая музейная сеть в Крыму была создана к 1926 г., о чем было объявлено на IV Конференции крымских музейных работников в Керчи (12–13 сентября 1926 г.). Главным организационным достижением этого процесса можно считать четкую профилизацию музеев: историко-археологический профиль был закреплен за Керченским, Феодосийским и Херсонесским музеями, этнографический — за Дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, Евпаторийским археолого-этнографическим музеем, Восточным отделом (при этом именовавшимся отдельным музеем) Ялтинского научно-художественного музея, историко-бытовой — за Алушкинским дворцом-музеем, художественный — за Феодосийской картинной галереей имени И. К. Айвазовского, Ялтинским научно-художественным музеем, краеведческий со статусом

¹ Непомнящий, 2005; Непомнящий, 2006; Непомнящий, 2008; Непомнящий, 2012.

² Козлов, 1984; Козлов, 1994; Козлов, Смирнова, 2021.

³ Козлов, 2000; Севастьянов, 2010; Севастьянов, 2018а; Севастьянов, 2018б.

методического центра — за Центральным музеем Тавриды в Симферополе, военно-исторический — за одноименным музеем в Севастополе (в ходе реорганизаций неоднократно изменявшим статус и к концу 30-х гг. XX в. преобразованным в Музей Крымской войны)⁴. Музейные учреждения Крыма за короткое время стали самостоятельными популяризаторскими и научно-исследовательскими учреждениями, органично вписались в общую картину советской национально-культурной политики «коренизации».

Деятельность членов РОПИК/ОПИК в становлении музейного дела в Крыму в 20-е — начале 30-х гг. XX в. можно проследить по трем направлениям:

- организационное участие в работе музеев; сотрудничество и создание отдельных музейных учреждений краеведческого характера;
- публикация обзорных и отчетных материалов о работе музейных учреждений в печатном органе Общества — научном журнале «Крым» (1925–1929 гг.);
- публикация оригинальных методических статей членов Общества на основе практического опыта работы музейных учреждений региона.

Устав РОПИК/ОПИК в первой редакции 1923 г. заявлял создание музеев и выставок как одну из форм работы научной организации⁵. Первое направление сотрудничества членов РОПИК/ОПИК с музеями Крыма проявилось уже при организационном становлении Общества. В течение 1923–1924 гг. его активность была сосредоточена в Москве и основа состава участников складывалась из столичных ученых, общественных и государственных деятелей, связанных с Крымом научными или профессиональными интересами (археолог А. С. Башкиров, геологи Б. Ф. Добрынин и А. А. Крубер, врачи А. А. Литкенс, И. М. Саркизов-Серазини, Н. И. Тезяков, нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, литератор, директор Музея им. А. П. Чехова в Москве Е. Э. Лейтнеккер и др.). Главной формой публичной работы стала организация крымоведческих выступлений и лекций, где презентовалась соответствующая информация широкого профиля. В 1923–1924 гг. гостями таких мероприятий Общества стали руководители крымских музеев. Среди них заведующая Евпаторийским археолого-этнографическим музеем, этнограф Полина Яковлевна Чепурина (1880–1947), которая 12 июня 1923 г. выступила на открытом собрании с докладом «Этнографические и историко-художественные материалы Крыма». 8 декабря того же года о деятельности КрымОХРИС информировал членов РОПИК/ОПИК его глава Александр Иванович Полканов (1886–1971). Также гостем Общества стал руководитель раскопок Херсонеса в Севастополе Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946), 24 февраля 1924 г. рассказавший о работе музеев города, а 2 апреля — выступивший с докладами «Проблемы изучения доисторического Крыма» и «Новое изучение Западного Крыма. Раскопки в Евпатории». В 1925 г. работники крымских музеев продолжили представление своих достижений и проблем перед московскими коллегами: на открытых собраниях выступили А. И. Полканов с информацией о работе КрымОХРИСа и директор Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877–1938) с докладом «Древнейшие памятники Бахчисарага»⁶.

⁴ Мусаева, 2013. С. 126–169; Хливнюк, 2008. С. 41–58.

⁵ Устав Российского общества по изучению Крыма. 1923. М.: Красная новь. С. 2–3.

⁶ Севастьянов, 2006. С. 133–136.

Особую роль в сотрудничестве крымских музеев с РОПИК/ОПИК сыграл период создания сети региональных отделений Общества в городах Крыма (1923–1925 гг.). Директора музеев встали во главе отделений в Керчи (Юлий Юльевич Марти, 1874–1959 гг., Керченский государственный историко-археологический музей им. А. С. Пушкина), Бахчисарае (У. А. Боданинский); заместителями председателей отделений стали руководители музеев в Евпатории (П. Я. Чепурина), Феодосии (Николай Степанович Барсамов, 1892–1976, директор Картинной галереи И. К. Айвазовского в Феодосии), Ялте (Григорий Яковлевич Россилевич, Ялтинский естественно-исторический музей, впоследствии — музей краеведения). В 1925 г. уполномоченным по организации отделения в Симферополе стал А. И. Полканов. В работе отделений в составе их правлений принимали участие музейные работники: директор Севастопольского музея краеведения Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947); научный сотрудник Государственного Русского музея, преподаватель Ленинградского государственного университета Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943); сотрудник Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае М. Б. Одинцов; директор Восточного музея в Ялте Иосиф Александрович Роджеро⁷.

Музейное направление было заметным в деятельности отделений РОПИК/ОПИК в течение 1923–1925 гг. Так, уже на первом заседании правления Керченского отделения в ноябре 1923 г. была создана комиссия в составе А. К. Ольхиной, М. Г. Тодорова, Е. П. Филиппова для разработки проекта организации краеведческого музея при отделении организации. В дальнейшем идея краеведческого музея при филиале Общества конкретизировалась в его экономико-производственной профилизации. В распоряжение отделения в конце 1924 г. стали поступать краеведческие материалы, для хранения которых была выделена комната в помещении Керченского филиала КрымОХРИСа, которым заведовал Ю. Ю. Марти.

Созданное весной 1924 г. отделение РОПИК в Феодосии определило своей основной задачей создание Музея краеведения при городской Картинной галерее имени И. К. Айвазовского. Осенью 1924 г. было создано Судакское отделение РОПИК, основная работа отделения сосредоточивалась на пополнении Краеведческого музея, созданного при гидрометеостанции. Особый статус в структуре РОПИК приобрел созданный в январе 1925 г. кружок краеведения при Государственном дворце-музее тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Без изменения своей структуры и названия, по согласованию с правлением РОПИК, он стал филиалом организации в регионе⁸. Наиболее масштабными стали инициативы по созданию общественных музейных учреждений в рамках отделений РОПИК/ОПИК в Алуште и Керчи.

Как отмечал в специальной заметке «О музее в Алуште» его заведующий, педагог П. А. Сергеев, инициативная группа по созданию музейного учреждения, впоследствии преобразованная в Музейное бюро, сформировалась в июле 1924 г. В состав группы, кроме П. А. Сергеева, входили: глава Алуштинского района Даутов, педагог Москалик, гидрогеолог И. М. Педдакас, доктор Розен, агроном Рыбалов,

⁷ Алуштинское отделение РОПИК. 1925. *Крым* 1: 63; Бахчисарай: Краеведческий кружок. 1925. *Крым* 1: 68; Евпаторийское отделение РОПИКа. 1925. *Крым* 1: 72; Керченское отделение РОПИК. 1925. *Крым* 1: 75–76; Нейкирх В. В. 1925. Ялтинское отделение РОПИК. *Крым* 1: 88–91; Севастопольское отделение РОПИК. 1925. *Крым* 1: 80; Феодосийское отделение РОПИК. 1925. *Крым* 1: 85.

⁸ Севастьянов, 2018а. С. 76–87.

биолог Трощинский. Проблемы административного характера были решены властями Алуштинского района: финансирование предложили произвести по смете Отдела народного образования (было выделено 25 рублей на нужды учреждения), а исполком отвел соответствующее помещение. Представители инициативной группы провели работу по сбору коллекций и начали свою работу.

В течение первого года деятельности в музее удалось создать несколько отделов: жизни моря, медицинский, сельскохозяйственный, геологический, ботанический, зоологический (в виде энтомологических коллекций). Учитывая общественный характер музея, его работа носила непостоянный характер: экспозиция открывалась раз в неделю на бесплатной основе, экскурсии могли осматривать отделы без ограничения в любое время. Штатных единиц, как и вознаграждения за труд, работники музея не получали. П. А. Сергеев отмечал, что средняя посещаемость музея в рабочий день, помимо экскурсий, составляла 30 посетителей⁹. К сожалению, дополнительных сведений об инициативе алуштинских краеведов 1924–1925 гг. по развитию музея при отделении РОПИК/ОПИК выявить пока не удалось.

Однако необходимость музейного учреждения в городе сохранялась. При этом роль Алуштинского отделения РОПИК/ОПИК продолжала быть определяющей. Так, в заметке В. К. Евневича «Алуштинский краеведческий музей ОПИК», опубликованной в журнале Общества «Крым» в 1928 г., сообщалось, что 2 мая 1928 г. членами отделения ОПИК был открыт краеведческий музей. Он располагался в центре города при городском Доме крестьянина и пользовался значительным интересом у горожан, что позволяло рассматривать его работу как перспективную.

Музей состоял из двух комнат. В первой были в диаграммах представлены сведения о росте населения и бюджета города, развитии санитарного, школьного, лечебного обеспечения, кооперации и связи за период с 1923 г. Данные статистические материалы иллюстрировались фотографиями города и региона. Вторая комната была разделена на отделы: гидробиологический, геологический, метеорологический, фауны. Наибольший интерес у местного (в основном крымско-татарского) населения вызывал археологический отдел. Развитие сельского хозяйства региона отражал агрономический отдел, в нем были представлены основные отрасли этой сферы экономики: табаководство, садоводство, виноградарство. На этапе организации находились этнографический и энтомологический отделы, создание которых стало инициативой русской и крымско-татарской учащейся молодежи общеобразовательных школ города.

Краеведческий музей Алуштинского отделения ОПИК работал два раза в неделю — по пятницам и воскресеньям. Число посещений (очевидно, за месяц) достигало 800 человек. Финансирование работы осуществлялось как благодаря получению незначительных сумм от центрального правления Общества (22 рубля), так и посредством выручки от проведения спектакля силами учащихся русской школы (32 рубля). Как необходимое условие развития музея отмечалось обязательное внесение расходов на его содержание и в смету центрального распорядительного органа ОПИК, и в бюджет Алуштинского городского совета¹⁰.

О том, что необходимость существования краеведческого музея в Алуште стала очевидной для городских властей, свидетельствует отчет о проведении 10–12 де-

⁹ Сергеев П. А. 1925. О музее в Алуште. *Крым* 1: 64

¹⁰ Евневич В. К. 1928. Алуштинский краеведческий музей ОПИК. *Крым* 2 (8): 110–111.

кабря 1929 г. Второго съезда ОПИК в Симферополе. Среди сведений о работе городских отделений организации есть сводка и об Алуштинском филиале. Отдельно упоминалось, что работа отделения проводилась совместно с Естественнно-историческим музеем, который фигурирует как самостоятельное учреждение. Однако специализация музея позволяет обоснованно говорить о его преимуществах от краеведческого музея при городском отделении ОПИК. Работа учреждения была масштабной: было проведено 45 экскурсий, которые посетили свыше 1000 человек, произведены работы по укреплению Генуэзской башни в городе. Кроме этих мероприятий также была отмечена работа отделения с молодежью, вовлечение в ряды ОПИК школьников и пионеров¹¹. Есть все основания считать, что организованный силами отделения РОПИК/ОПИК краеведческий музей в Алуште в течение 30-х — 60-х гг. XX в. неоднократно реорганизовывался, его экспонаты передавались в музеи Бахчисарая, Симферополя, Ялты, и только в 1966 г. было принято решение об основании постоянно действующего историко-краеведческого музея в Алуште, открытого в 1971 г. Сегодня музей работает как отдельное структурное подразделение ГБУ Республики Крым «Центральный музей Тавриды».

Развивалась музейная работа и в Керченском отделении Общества. Правление Керченского отделения РОПИК/ОПИК в течение 1926 г. провело пять заседаний, где кроме организационных и хозяйственных вопросов была рассмотрена и проблема проведения краеведческой выставки в городе. Целью сбора материалов для проведения мероприятия, согласно планам правления, должно было стать дальнейшее создание Музея производительных сил района при отделении. Выставка прошла в рамках Керченской археологической конференции 6–12 сентября 1926 г. и привлекла широкий круг посетителей — всего экспонаты осмотрели 325 керчан и гостей города. В ходе заключительного заседания конференции инициатива создания музея при филиале РОПИК получила публичную поддержку со стороны руководства города, и к концу года обязательство райисполкома по предоставлению помещения для музея было выполнено. Правление отделения признавало организацию экспозиции главным приоритетом дальнейшей работы¹².

Промежуточные итоги работы Керченского отделения РОПИК за три года с момента учреждения подвел в своем очерке заместитель председателя РОПИК/ОПИК Е. Э. Лейтнеккер. Автор отмечал, что за это время (1923–1926 гг.) отделение так и не приобрело массового характера — численность его активистов была определена в 50 человек. Также было указано, что основой состава филиала были педагоги города, для вовлечения же в ряды ОПИК рабочих и хозяйственников представитель руководства организации предлагал провести специальную агитационную кампанию. Как позитивный итог отмечалось создание в городе Музея производительных сил усилиями отделения. Несмотря на скромность занимаемого помещения, данный объект за короткое время смог стать наглядным показателем краеведческой активности членов ОПИК. Благодаря субсидии Главнауки Наркомпроса РСФСР Музей производительных сил имел штатную оплачиваемую единицу, которую занимал заведующий музеем, педагог Е. П. Филиппов. Е. Э. Лейтнеккер

¹¹ Зенкович П. З. 1930. Съезд Общества по изучению Крыма. *Краеведение* 2: 27

¹² Филиппов Е. П. 1927. Керченское отделение РОПИК. *Крым* 1 (3): 181.

отмечал, что вся прибыль от деятельности отделения в 1927 г. составила 277 рублей 47 копеек, которые были потрачены на срочные нужды по оборудованию музея¹³.

К 1928 г. следует отнести окончательное формирование при Керченском отделении РОПИК/ОПИК структуры Музея местного края, предшественником которого в 1926–1927 гг. был Музей производительных сил. В учреждении были выделены три отдела — естественно-исторический, посвященный флоре, фауне, геологии региона; производственный, освещавший историю становления и современное состояние экономики и социального развития; «революционный», основная экспозиция которого была собрана в связи с празднованием 10-летия Октябрьской социалистической революции в 1927 г. В контексте проведения популяризаторских акций, способствовавших ознакомлению с результатами научных исследований широких масс городской интеллигенции, рабочих, молодежи, Керченским отделением РОПИК/ОПИК проводились публичные доклады на базе музея. Их можно разделить на три тематических направления: изучение природных богатств Керченского региона; исследования, касающиеся исторического прошлого региона в археологическом и этнологическом контекстах; доклады по краеведческой методологии и практике и общественным наукам в целом¹⁴.

9 декабря 1928 г. состоялось торжественное заседание актива Керченского отделения РОПИК/ОПИК, посвященное пятилетнему юбилею работы организации. Музейная тема продолжала быть одной из ключевых в работе филиала: снова озвучивалась необходимость хотя бы частичного финансирования со стороны городских властей Музея местного края, высказывалась идея создания общего городского музея силами различных общественных организаций и государственных учреждений¹⁵. В целом можно констатировать, что музейная инициатива Керченского отделения РОПИК/ОПИК не только адекватно отвечала идеологическому содержанию краеведческого движения в СССР во второй половине 20-х — рубежа 30-х гг. XX в., но и подчеркивала особенности Керченского региона, его индустриальный характер, что было новым словом в развитии советского музейного дела.

В апреле 1927 г. состоялся Первый съезд РОПИК/ОПИК в Симферополе. В его работе приняли участие представители правления организации из Москвы, делегаты от местных отделений, уполномоченные от центральных органов власти (руководитель Главнауки НКП РСФСР Федор Николаевич Петров) и руководства Крымской АССР (глава ЦИК В.Ибраимов и СНК автономии А.К.Шугу). Съезд принял новую редакцию Устава и перенес место пребывания Центрального правления в Симферополь. В его состав были избраны ключевые фигуры крымского музейного дела 20-х гг. XX в. — У.А.Боданинский, Ю.Ю.Марти, А.И.Полканов¹⁶. Вслед решениям съезда заместитель председателя Общества Е.Э.Лейтнекер отмечал в своей статье «О некоторых итогах Первого съезда Общества по изучению Крыма», что «краеведческая работа в Крыму концентрируется главным образом около местных музеев, а там, где их нет, свое строительство начинает с организа-

¹³ Лейтнекер Е.Э. 1928. Керченское отделение Общества по изучению Крыма. *Крым* 2 (7): 109–111.

¹⁴ Марти Ю.Ю. 1929. Пять лет краеведческой работы Керченского отделения Общества по изучению Крыма. *Крым* 1 (9): 203–204.

¹⁵ Там же. С. 205–206.

¹⁶ Севастьянов, 2010. С. 90.

ции музеев аналогичных учреждений»¹⁷. Автор перечислил уже знакомые примеры музейной работы РОПИК/ОПИК в Керчи и представил опыт других отделений: в Джанкое — по созданию показательного музея в северной степной части региона, в Старом Крыму и Судаке — экспозиций археологического профиля, в Феодосии — естественно-исторического отдела при Археологическом музее, в Евпатории — естественно-исторического и культурно-бальнеологического отделов при Археолого-этнографическом музее¹⁸. Членом правления Ленинградского отделения и участником Севастопольского отделения РОПИК/ОПИК стал создатель и первый директор Херсонесского государственного историко-археологического музея Константин Эдуардович Гриневиц (1891–1971). В 1925 г. должность директора Алушкинского государственного историко-бытового музея (Воронцовского дворца) занял московский музейный специалист Сергей Дмитриевич Ширяев (1898–1961), который пополнил ряды членов Общества и стал автором ряда публикаций в научном журнале «Крым». После добровольно-принудительной смены руководства этого учреждения в декабре 1927 г. и прихода на должность директора бывшего заместителя главы КрымОХРИСа Яна Петровича Бирзгала (1898–1968) по инициативе последнего в Алушке создается отделение Общества, базой которого выступил Воронцовский дворец-музей¹⁹. Таким образом, связь крымских музеев и краеведческой работы РОПИК/ОПИК можно считать одной из наиболее важных и масштабных как для практики музейных учреждений региона, так и для общественной краеведческой деятельности.

Второе направление работы РОПИК/ОПИК в музейной сфере заключалось в предоставлении музейным учреждениям Крыма трибуны для презентации своих отчетов, достижений и планов на будущее в виде публикаций в научном журнале «Крым». Их авторами были Н. С. Барсамов²⁰, К. Э. Гриневиц²¹, Ю. Ю. Марти²², М. Б. Одинцов²³, И. И. Пузанов²⁴, Г. Я. Россилевич²⁵, С. Д. Ширяев²⁶, П. Я. Чепурина²⁷. Данные публикации содержат объективную, в первую очередь отчетную информацию о работе Картинной галереи И. К. Айвазовского, Феодосийского археологического, Херсонесского и Керченского государственных историко-археологических музеев, Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, Естественно-исторического музея в Симферополе (структурного подразделения Центрального музея Тавриды), Ялтинского музея краеведения, Алушкинского государственного историко-бытового музея и Евпаторийского археолого-этнографического музея соот-

¹⁷ Лейтнекер Е. Э. 1927. На переломе: к первому Крымскому краеведческому съезду и к четырехлетию Общества по изучению Крыма. *Крым* 1 (3): 14.

¹⁸ Там же, С. 15.

¹⁹ Севастьянов, 2009. С. 190–198; Зенкович, 1930. С. 27–28.

²⁰ Барсамов Н. С. 1926. Феодосийский музей краеведения. *Крым* 2: 185.

²¹ Гриневиц К. Э. 1925. Вместо монастыря — музей: письмо из Херсонеса. *Крым* 1: 80–81.

²² Марти Ю. Ю. 1926. К столетию Керченского музея. *Крым* 2: 126–131; Марти Ю. Ю. 1928. Краткий отчет о деятельности Керченского историко-археологического музея за 1926–1927 г. *Крым* 1(6): 99–101; Марти Ю. Ю. 1929. Пять лет краеведческой работы Керченского отделения Общества по изучению Крыма. *Крым* 1 (9): 203–206.

²³ Одинцов М. Б. 1926. Бахчисарайский краеведческий кружок. *Крым* 2: 178–179.

²⁴ Пузанов И. И. 1926. Естественно-исторический музей в Симферополе. *Крым* 2: 181–182.

²⁵ Россилевич Г. Я. 1928. Ялтинский музей краеведения. *Крым* 2 (8): 106–109.

²⁶ Ширяев С. Д. 1926. Алушкинский дворец-музей. *Крым* 2: 191–193.

²⁷ Чепурина П. Я. 1926. Евпаторийский музей. *Крым* 2: 200.

ветственно. Комплексный анализ таких публикаций позволяет проследить профилизацию музеев, освоение новых форм работы, привлечение к ней как профессиональных ученых-специалистов (археологов, этнографов, искусствоведов, геологов, ботаников и т. д.), так и широких слоев общественности. Отчетные публикации руководителей музеев региона в журнале «Крым» дают системное представление о трансформации приоритетов государственной музейной политики, постепенной ее инкорпорации в сферу идеологического аппарата советской власти.

Обобщение вышеуказанного опыта работы крымских музейщиков наиболее полно отражено в статье инспектора по делам музеев Крымской АССР, директора Центрального музея Тавриды Василия Григорьевича Опалова (1897 — после 1937) «О массовой работе крымских музеев»²⁸. Свою статью В. Г. Опалов начинал с тезиса о том, что «в прошлые годы культурно-просветительная работа [музеев] недостаточно была систематизирована, музейный посетитель не дифференцировался, установка делалась на посетителя курортника, а местные рабочие, крестьяне и учащиеся мало приобщались к музейной работе»²⁹. Автор отметил, что в течение 1927 г. эта тенденция изживалась, массовая работа музеев приобрела не только культурно-просветительный, но и выраженный общественно-политический контекст на основе марксистской идеологии. Данное утверждение подкреплялось соответствующими статистическими данными ряда музейных учреждений Крыма. Так, Севастопольский военно-исторический музей вел культурно-просветительную работу в трех направлениях — через клубы, публичные лекции и беседы и в виде экскурсий. Пробуждение интереса к музею объяснялось в том числе и задачами политического характера: экспозиция военно-исторического музея могла использоваться как инструмент «антиимпериалистической пропаганды». Цифры посещаемости разных подразделений музея выявили интересную закономерность: Панорама привлекла за год 97 123 человека, а непосредственно экспозиция музея — 17 412 человек. В. Г. Опалов приводит социальную дифференциацию посетителей на «членов профсоюзов, военных и учащихся», первая категория составляет более 3/4 от общего количества. Это дает основание констатировать: посетители рассматривали музейную экспозицию в первую очередь с визуально-эмоциональной точки зрения, что объясняет значительно больший интерес к Панораме, чем к общей экспозиции военно-исторического музея. Прирост посетителей более чем на 100% фиксировал В. Г. Опалов в Херсонесском государственном историко-археологическом музее: в 1926 г. его посетило 19 000 человек, в 1927 г. — 40 000 человек. Основу посетителей составили «трудящиеся» (рабочие, красноармейцы, крестьяне, служащие), для школьных учителей Севастополя директор музея К. Э. Гриневич прочитал лекции о древней истории городища и методики проведения экскурсионной работы.

По сведениям В. Г. Опалова, более 8000 человек принял за 1927 г. Керченский государственный историко-археологический музей, было организовано 176 экскурсий, проводились лекции и выставки. Особо В. Г. Опалов упомянул о «специальной выставке к Октябрьским торжествам», целью которой было показать в диаграммах, фотоснимках и плакатах основные достижения региона при Советской власти. Автор подчеркнул, что данная работа была осуществлена силами некоего «обще-районного музея», что позволяет связать эту информацию с вышеупомяну-

²⁸ Опалов В. Г. 1928. О массовой работе крымских музеев. *Крым* 1 (5): 102–105.

²⁹ Там же. С. 102.

той активностью Керченского отделения РОПИК/ОПИК по созданию Музея местного края на базе Керченского историко-археологического музея и проведению такой же выставки к 10-летию Октябрьской социалистической революции³⁰.

Относительно массовой работы Феодосийского археологического музея и Картинной галереи И. К. Айвазовского В. Г. Опалов отмечает, что проводились экскурсии (около 60 % от их числа были бесплатными и проводились для школьников и красноармейцев), лекции и выставки, общее число посетителей составило более 12 000 человек. Комплексный характер музейного учреждения, содержавшего как археологическую (историко-краеведческую), так и художественную составляющие, определял разнообразие тематических экскурсий и лекций. Они были посвящены прошлому Феодосии в связи с историей Крыма, средневековой Каффе, истории Феодосийского порта, творчеству И. К. Айвазовского и художников его школы, современным художникам Феодосии (К. Ф. Богаевскому, М. А. Волошину, М. П. Латри) и течениям в живописи. 1927 г. стал временем заметного расширения Картинной галереи благодаря приобретению 6 новых работ И. К. Айвазовского, 26 работ К. Ф. Богаевского (что позволило создать самостоятельный отдел художника), 6 картин М. А. Волошина, 2 — Л. Ф. Лагорио, 6 — М. П. Латри, также в фонд поступили 33 гравюры из Государственного центрального музейного фонда и 10 гравюр, приобретенных на выставке в самой Картинной галерее (это дало возможность начать работы по созданию отдельного гравюрного кабинета при галерее). Упомянутая выставка привлекла к участию 48 художников из Москвы, Харькова, Севастополя, Симферополя, Феодосии с 494 работами, что доказывает высокий уровень организаторской работы коллектива галереи во главе с членом РОПИК/ОПИК Н. С. Барсамовым, а также общий авторитет музейного учреждения в художественном мире Советской России³¹.

Опыт массовой работы Ялтинского музея краеведения выявил свои оригинальные тенденции. Так, общее число посетителей составило 11 327 человек, однако бесплатными из них были только 3845 посещений, что можно считать значительным увеличением числа сознательных самостоятельных посещений, а не экскурсионных организованных мероприятий, в том числе для льготных групп населения. Отдельно фиксируется практика проведения открытых лекций, всего их состоялось в 1927 г. двенадцать. В. Г. Опалов констатирует, что вся краеведческая работа в Ялте сконцентрирована вокруг музея, отмечает наличие плана работы по комплексному обследованию сельской части Ялтинского района, издание «Записок музея краеведения» с оригинальными статьями по вопросам сельского хозяйства региона. Параллельно в Ялте проводилась массовая работа Восточного музея, общее число посетителей которого составило в 1927 г. более 26 000 человек, при этом большую часть посетителей музей принял бесплатно. Основной направленностью культурно-просветительной работы стали этнографические и культурологические лекции, в том числе читавшиеся для представителей тюркских народов на тюркских языках, а также выездные лекции для крымско-татарского сельского населения Ялтинского района с целью привлечения их к посещению музея и передаче этнографических материалов в его фонды. Относительно всех описанных музеев

³⁰ Опалов, 1928. С. 103

³¹ Опалов, 1928. С. 103–104.

автором подчеркивалось их тесное сотрудничество и партнерство с отделениями РОПИК/ОПИК.

В заключение своего очерка В. Г. Опалов отмечает, что общую картину по региону не позволяет составить отсутствие данных по массовой работе музеев в Евпатории и Симферополе. Однако это не мешает общему выводу автора о значительном позитивном расширении массовой работы крымских музеев и необходимости дальнейшего укрепления связей с населением для использования этих связей «как одного из орудий культурного подъема и социалистического строительства»³². В целом статья В. Г. Опалова демонстрирует начало трансформации как музейного, так и краеведческого дела в СССР во второй половине 20-х гг. XX в.: все еще сохраняется и приветствуется инициатива снизу, от «широких масс трудящихся», приоритетными являются лозунги «социалистического строительства» как позитивного явления. Однако уже звучит тезис о необходимости участия музеев в идеологическом воспитании граждан, вовлеченности в работу соответствующих государственных органов. Фиксацию этого переломного момента именно в год первого десятилетия Октябрьской революции можно считать и своеобразным итогом идеологических усилий советской власти за этот период.

Третье направление музеелогических исследований членов РОПИК/ОПИК — оригинальные методические публикации — представлено публикацией директора Херсонесского государственного историко-археологического музея, заместителя руководителя Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР К. Э. Гриневича «Очередные задачи музейного строительства в Крыму»³³, вышедшей в 1928 г.

В качестве первичного тезиса автор выдвигал осуществление музейной реформы в рамках как минимум РСФСР, с дальнейшим распространением ее и на другие советские республики. Ее целью должно было стать «стремление приблизить музей к широким рабоче-крестьянским массам нашей Республики Советов, стремление превратить музей в активного бойца за культуру на новом фронте культурной революции»³⁴. Среди основных общих проблем руководитель Херсонесского музея отмечал важность создания музеев, в которых нет необходимости объяснительной экскурсии для посетителя; усиление связи музеев с производством для вовлечения как масс, так и музейных работников в актуальный хозяйственный процесс; создание оптимальной сети музеев по их концентрации в каждом конкретном регионе; качественное изменение научно-исследовательской и издательской работы музейных учреждений.

Все перечисленные автором проблемы касались, по его мнению, и Крыма. При этом К. Э. Гриневич сформулировал особенности региона, способствующие осуществлению музейной реформы именно на его базе: ограниченная территория, статус автономии с самостоятельными органами власти, плановыми учреждениями и вузом, а также наибольшим количеством музейных учреждений в рамках одного региона. Совокупность перечисленных факторов позволяла К. Э. Гриневичу выдвинуть идею о готовности Крыма стать экспериментальной базой для апро-

³² Опалов, 1928. С. 104–105.

³³ Гриневич К. Э. 1928. Очередные задачи музейного строительства в Крыму. *Крым* 2 (7): 60–64.

³⁴ Там же. С. 60.

бации реформы, которую предполагалось внедрить впоследствии во всей РСФСР, и о необходимости предложения этого проекта руководству КрАССР³⁵.

В качестве конкретных шагов по реализации проекта реформы К. Э. Гриневич представил структуру музейной сети региона, выделив в ней две группы учреждений. К первой — музеи специального характера — были отнесены: Керченский и Херсонесский государственные историко-археологические музеи, Алушкинский государственный историко-бытовой музей, Военно-исторический музей в Севастополе, Картинная галерея И. К. Айвазовского в Феодосии, Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае и Археолого-этнографический музей в Евпатории (проходивший в это время трудную реорганизацию в краеведческий). Во вторую — музеи краеведческого характера — были определены все соответствующие музеи городов Крыма (Бахчисарая, Джанкоя, Евпатории, Керчи, Севастополя, Феодосии, Ялты) и Центральный музей Тавриды в Симферополе. Последнему отводилась роль «центра музейного показа во всекрымском масштабе», позитивно оценивался типологический метод построения экспозиции, который позволял избежать параллелизма в экспозиции и способствовал правильному распределению научно-исследовательской и собирательской работы как самого ведущего музея, так и краеведческих музеев в других городах Крыма. Соответственно, К. Э. Гриневичем высказывалась идея о роли Центрального музея Тавриды как методического центра музейной работы региона³⁶.

В свою очередь, местные краеведческие музеи должны были сосредоточиться на специфике своих районов. Так, по мнению К. Э. Гриневича, музеи Джанкоя, Евпатории, Керчи ввиду их степного расположения должны были презентовать сельскохозяйственные культуры региона и скотоводческие практики. Соответственно, музеи Бахчисарая, Керчи и Севастополя должны были демонстрировать примеры кустарной национальной промышленности, промыслов, фабрично-заводской продукции. Музеи Евпатории, Севастополя, Феодосии, Ялты «должны во весь рост разрабатывать тему: “Крым — всесоюзная здравница”»³⁷.

Главным механизмом осуществления реформы К. Э. Гриневич называл тесное сотрудничество музеев с профильными народными комиссариатами — названы были наркоматы здравоохранения, земледелия, внутренних дел, высший совет народного хозяйства. Представление их информации и экспонатов в музеях должно было стать залогом заинтересованности органов местной власти в работе музеев и, следовательно, источником постоянного финансирования музейной деятельности в идеолого-пропагандистских целях.

Остановился К. Э. Гриневич и на проблемах дальнейшего развития музеев. Так, отдельно он затронул проблему подготовки сотрудников музейных учреждений. По сути, столичным профессором была впервые высказана идея специализированной подготовки новых музейных работников в рамках соответствующих специальностей педагогического института в виде практикумов для студентов и стажировок для аспирантов по специальностям, отраженным в экспозициях музеев. В заключение автор выражал уверенность, что осуществление подобного плана совершенствования музейной сети Крыма сделает возможным полноценный показ

³⁵ Гриневич К. Э. 1928. Очередные задачи музейного строительства в Крыму. *Крым* 2 (7): С. 61.

³⁶ Там же. С. 62.

³⁷ Там же. С. 62–63.

региона во всем многообразии районов и с «горизонтами в области социалистического строительства»³⁸.

Свои методические предложения К. Э. Гриневич основывал на практическом опыте руководства Государственным Херсонесским историко-археологическим музеем. У. К. Мусаева отмечает, что в течение 1924–1925 г. состоялись основные мероприятия по ликвидации Херсонесского монастыря и Владимирского собора и передаче их территорий в ведение музейного учреждения. В это же время происходило формирование коллектива будущего музейного учреждения, который с конца апреля 1924 г. возглавил К. Э. Гриневич, практически сразу же он занял и пост заведующего Севастопольским ОХРИСом, т. е. сосредоточил в своих руках и административные функции, и научное руководство организацией музея³⁹.

Основные направления практической деятельности К. Э. Гриневича отражены в его специальных публикациях. В заметке под заголовком «Вместо монастыря — музей»⁴⁰ подчеркивалось, что «значение этого музейного строительства [в Херсонесе] сводится к тому, что оно является первым примером создания марксистского музея», что соответствует выдвинутому в 1928 г. автором тезису о необходимости приближения работы музеев к актуальной повестке «культурной революции» в стране.

Практические результаты воплощения теоретической концепции в практику работы Херсонесского государственного историко-археологического музея были представлены К. Э. Гриневичем в работах «За новый музей: Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве» и «Херсонес Таврический: История. Руины. Музей: иллюстрированный путеводитель»⁴¹. Целью своего труда ученый видел внедрение принципа тематической экспозиции, сам же принцип автор определял «как одно из средств ввести марксизм в музейное дело». Вступительная часть работы содержала основные постулаты предлагаемой исследователем реформы музейного дела в рамках отдельного региона и всей страны, а именно: «I. Всякий музей должен давать марксистски выдержанное знание определенного объема, судя по содержанию музейных коллекций. II. На музей следует смотреть как на книгу для образовательного чтения, в которой знание дается... расстановкой памятников природы или материальной культуры. Поэтому экспозиция музея — момент первостепенной важности. III. Музей должен быть “самоговорящим”, т. е. должен быть рассчитан не только на групповой осмотр экскурсиями, но и на осмотр одиночными средне подготовленными посетителями. IV. Музей должен обратить особое внимание на связь с массами путем издания специальной научно-популярной литературы, а также правильной постановкой широкой экскурсионной работы. V. Музей должен оставаться центром научно-исследовательской работы над коллекциями

³⁸ Там же. С. 64.

³⁹ Мусаева, 2013. С. 181–185.

⁴⁰ Гриневич К. Э. 1925. Вместо монастыря — музей: письмо из Херсонеса. *Крым* 1: 80–81.

⁴¹ Гриневич К. Э. 1928. *За новый музей: Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве*. Севастополь: Херсонесский музей; Гриневич К. Э. 1928. *Херсонес Таврический: История. Руины. Музей: иллюстрированный путеводитель* / сост. К. Э. Гриневич. Севастополь: Херсонесский музей.

музея <...> VI. Музей должен быть внутренне увязан с задачами социалистического строительства всей страны»⁴².

Подробно была освещена автором и конкретная работа Херсонесского музея по воплощению этих идей. В качестве приоритетного задания К. Э. Гриневич определил классификацию массива экспонатов по хронологии, т. е. выделение древнего и средневекового периодов, это обосновывало создание двух отделов музея — античного и средневекового. Следование марксистской концепции прослеживается в создании справок для посетителей о социально-экономических предпосылках развития Херсонеса в разные периоды его существования. Наглядно данная информация доносилась до посетителя в виде графического плана городища на карте с краткой информацией о причинах и ходе древнегреческой колонизации берегов Северного Причерноморья и основания Херсонеса⁴³.

Принцип самостоятельного ознакомления посетителя с экспозицией был реализован К. Э. Гриневичем путем создания комплекса соответствующих информационных приемов. Экспонаты размещались в витринах, на стенах и в простенках музейных залов, залы были снабжены соответствующими планами с обозначением направленности экспонатов и последовательности осмотра. Витрины были пронумерованы, в них были размещены этикетки, в которых излагалась информация о представленных предметах, эпиграфические памятники имели пояснительные записки⁴⁴. Экспозиция средневекового периода была построена также по тематическому принципу в соответствии с основными тезисами концепции так называемого марксистского музея. Приоритетной в этом отношении была экономическая и производственная составляющая жизни средневекового города, демонстрировался уровень его политического и государственного развития, устройство быта, религиозные трансформации, памятники художественной культуры⁴⁵. С 1925 г. Государственный Херсонесский историко-археологический музей занимал помещения бывшего монастыря на территории древнего городища. Античный отдел расположился в бывшей монастырской трапезной, средневековая экспозиция — в помещении бывшей домово́й церкви монастыря.

Необходимость активной исследовательской работы была подкреплена созданием по инициативе К. Э. Гриневича «фондового и лапидарного залов» для непосредственной камерной работы научных сотрудников, в дальнейшем они оформились в самостоятельные фондовый отдел и лапидарий музейного учреждения. Велась работа и в отношении подготовки новых музейных кадров: к полевой археологической, музейной и экскурсионной практике были привлечены студенты факультетов языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета (где К. Э. Гриневич вел преподавательскую деятельность) и Первого МГУ⁴⁶.

---

⁴² Гриневич К. Э. 1928. *За новый музей: Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве*. Севастополь: Херсонесский музей. С. 5.

⁴³ Там же. С. 6

⁴⁴ Гриневич К. Э. 1928. *Херсонес Таврический: История. Руины. Музей: иллюстрированный путеводитель* / сост. К. Э. Гриневич. Севастополь: Херсонесский музей. С. 62.

⁴⁵ Там же. С. 100–108.

⁴⁶ Гриневич К. Э. 1928. *За новый музей: Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве*. Севастополь: Херсонесский музей. С. 14–15.

Анализ соответствия теоретических предложений К. Э. Гриневича и практической работы возглавляемого им музейного учреждения позволяет констатировать прочную связь заявленных тезисов с непосредственными мероприятиями по созданию новой экспозиции Херсонесского государственного историко-археологического музея. Дальнейшее развитие этого масштабного профильного музея пошло в русле сформулированных первым директором задач и направлений, что отмечается в соответствующих обобщающих работах⁴⁷.

Таким образом, представленная К. Э. Гриневичем в 1928 г. концепция трансформации музейной сети Крыма, которая должна была стать образцовой для других регионов РСФСР, являла собой попытку компромисса между самостоятельной творческой научно-исследовательской деятельностью музейных коллективов и государственными идеологическими задачами. Выдвижение ее именно в этот период — 1928–1929 гг. — также неслучайно: происходила общая реорганизация управления музейным делом в рамках всего СССР. Предложения К. Э. Гриневича вписываются в рамки относительно свободной музейной деятельности с «опекунской», но не руководящей ролью государственных органов.

В целом события 30-х гг. XX в. в советском музееведении показали, что концепция К. Э. Гриневича осталась без внимания со стороны государства: уже к середине десятилетия музеи были окончательно вмонтированы в систему пропагандистских органов советской власти, основными критериями оценки «правильности» той или иной экспозиции стало ее соответствие актуальным задачам, сформулированным партийными органами, любая инициатива же рассматривалась как попытка «вредительства» или «контрреволюции»⁴⁸.

Таким образом, музейное направление в деятельности РОПИК/ОПИК представляет собой показательную картину синтеза музейной работы с краеведческим движением 20-х — начала 30-х гг. XX в.

Организаторские усилия членов общественной научной организации по созданию новых музейных учреждений (краеведческого музея в Алуште, Музея производительных сил, позднее — Музея местного края в Керчи) соответствовали общему направлению развития краеведения как массового общественного движения, которое должно было играть аккумуляющую роль в гуманитарной и идеологической политике Советского государства. Вовлечение широких масс трудящихся (рабочие, крестьяне, учащая молодежь) в краеведческую и музейную работу, сотрудничество с представителями интеллигенции и научных кругов должно было решить насущные задачи ликвидации безграмотности и повышения общего культурного и образовательного уровня значительной части населения нового Советского государства в рамках марксистской идеологии.

Участие крымских музейщиков в работе отделений РОПИК/ОПИК способствовало развитию краеведческой инициативы, создавало фундамент для продуктивной популяризаторской и просветительской работы музейных учреждений. Это отразилось в значительном росте экскурсионного обслуживания посетителей музеями Крымской АССР во второй половине 20-х гг. XX в., в создании тематических специализированных экспозиций, в активном развитии таких видов музейной работы, как лекционная, кружковая и издательская деятельность.

⁴⁷ Сорочан, Зубарь, Марченко, 2001. С. 42–45.

⁴⁸ Мусаева, 2013. С. 162–169.

Публикация соответствующих обзорных и отчетных статей руководителями и сотрудниками музейных учреждений Крыма в печатном органе РОПИК/ОПИК — журнале «Крым» — позволяет определить динамику сотрудничества музейщиков и краеведов, направления совместной работы и ее результаты, достижения и проблемы. В целом для периода 20-х — начала 30-х гг. XX в. данный опыт на примере Крымской АССР можно оценить как оптимальный.

Выдвижение К. Э. Гриневичем так называемой марксистской концепции формирования музейной сферы отдельного региона с распространением этого опыта на масштаб всей страны позволяет определить уровень развития крымских музеев в 20-х гг. XX в. как профессиональный со сложившейся профилизацией и региональной спецификой. Предложенные К. Э. Гриневичем тезисы предполагали естественную трансформацию музеев в массовые просветительские и научно-исследовательские учреждения в рамках творческого преломления господствующей государственной марксистской идеологии в их деятельности. Соответствующая практика Херсонесского государственного историко-археологического музея по внедрению тезисов К. Э. Гриневича в практическую деятельность показала эффективность и оправданность предложений исследователя. Реализации музейной реформы на данной теоретической основе помешала кардинальная смена государственной и идеологической политики в СССР в начале 30-х гг. XX в., которая привела к полной инкорпорации музейного дела и краеведческого движения в систему идеологического аппарата правящего режима.

Литература

- Козлов В. Ф. 1984. Обзор документов ОПИ ГИМ о музейном деле и охране памятников истории и культуры в Крыму в первые годы Советской власти. *Историография и источниковедение архивного дела в СССР: межвузовский сборник*: 81–89.
- Козлов В. Ф. 1994. Охрана исторических памятников в Крыму (1920–1941 гг.). *Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация* 15: 126–156.
- Козлов В. Ф. 2000. Из истории деятельности Российского общества по изучению Крыма (РОПИК). *Москва — Крым: историко-публицистический альманах* 1: 272–279.
- Козлов В. Ф., Смирнова А. Г. 2021. *Документальные материалы по культурному наследию Крыма в ГАРФ. 1920–1930-е гг.: аннотированный архивный справочник*. М.: Институт Наследия.
- Мусаева У. К. 2013. *Развитие музейного дела в Крымской АССР (1921–1941)*. Симферополь: Крым-учпедгиз, 2013.
- Непомнящий А. А. 2005. *Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Непомнящий А. А. 2006. *Подвижники крымоведения*. Симферополь: СГТ.
- Непомнящий А. А. 2008. *Подвижники крымоведения*. Т. 2. Симферополь: СГТ.
- Непомнящий А. А. 2012. *Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения*. Киев: СтилоС.
- Севастьянов А. В. 2006. «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...»: документы архивов свидетельствуют. *Историческое наследие Крыма* 12/13: 128–152.
- Севастьянов А. В. 2009. На переломе. Российское общество по изучению Крыма в 1926–1928 гг.: цели, мероприятия, результаты. *Историческое наследие Крыма* 25: 185–202.
- Севастьянов А. В. 2010. *Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932)*. Киев, Симферополь: Доля.
- Севастьянов О. В. 2018а. *Нариси історії вітчизняного краєзнавства: Товариство з вивчення Криму (1922–1932 рр.)*. Київ: Видавничий центр НУБіП України.
- Севастьянов А. В. 2018б. *Институции краеведческого движения в Крыму в 20-х — начале 30-х гг. XX в.: Общество по изучению Крыма (1922–1932)*. Рига: LAP.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. 2001. *Жизнь и гибель Херсонеса*. Харьков: Майдан.

Хливнюк А. В. 2008. Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта. *Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы*: 41–58.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 25 марта 2022 г.

Контактная информация:

Севастьянов Александр Валериевич — канд. ист. наук; spu.crimea@gmail.com

From the history of museum work in Crimea: Activities of the Russian Society for the Study of the Crimea — Society for the Study of the Crimea (1922–1932)

A. V. Sevastyanov

Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
39, Kievskaya ul., Simferopol, 295000, Russian Federation

For citation: Sevastyanov A. V. 2022. From the history of museum work in Crimea: Activities of the Russian Society for the Study of the Crimea — Society for the Study of the Crimea (1922–1932). *The Issues of Museology* 13 (1): 39–56. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2022.103> (In Russian)

The article deals with the museum direction in the popularization and research activities of the Russian Society for the Study of Crimea — the Society for the Study of Crimea against the background of the active development of the local history movement in the USSR in the 1920s and early 1930s. Three main forms of cooperation between the public scientific organization and the museum institutions in the region are traced: the participation of the Society members in the work of museums, and in creating new museums of local history (in Alushta and Kerch); publications of employees of Crimean museums about the profile work of institutions on the pages of the Society's printed organ — the scientific journal "Krym"; author's methodological articles of members of the Society on museum topics on the pages of the journal "Krym" (K. E. Grinevich, V. G. Opalov). Consideration of the plots of cooperation between amateur local historians, professional historians, archaeologists, ethnographers and museum workers allows us to form a comprehensive picture of the atmosphere and moods that were decisive in the scientific and social movement of the first decades of Soviet power. The dynamics of local history initiatives, the change of priorities in popularizing work helps to trace the patterns of transformation of the local history movement by the beginning of the 1930s. This was fully reflected in museum work, particularly in the leveling of any creative independence of museum teams and their incorporation into the structure of state ideological apparatus. This led to a crisis in the local history and museum movement and contributed to the unleashing of harassment and repression against local Soviet historians and museum workers, both at the all-Union and regional levels.

Keywords: museum business, the Society for the Study of the Crimea, local history, local history museums, the journal *Krym*.

References

- Khlivnyuk A. V. 2008. Crimean department for museums and protection of monuments of art, antiquity, nature and folk life. *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury v Krymskoi ASSR: issledovaniia i dokumenty*: 41–58. (In Russian)
- Kozlov V. F. 1984. A review of the documents of the OPI State Historical Museum on museum affairs and the protection of historical and cultural monuments in the Crimea in the first years of Soviet authority. *Istoriografiia i istochnikovedenie arkhivnogo dela v SSSR: mezhvuzovskii sbornik*: 81–89. (In Russian)

- Kozlov V.F. 1994. Protection of historical monuments in the Crimea (1920–1941). *Khudozhestvennoe nasledie: khranenie, issledovanie, restavratsiia* 15: 126–156. (In Russian)
- Kozlov V.F. 2000. From the history of the Russian Society for the Study of Crimea (ROPIK). *Moskva–Krym: istoriko-publitsisticheskii al'manakh* 1: 272–279. (In Russian)
- Kozlov V.F., Smirnova A. G. 2021. *Documentary materials on the cultural heritage of the Crimea in the GARF. 1920–1930s: an annotated archival reference book*. Moscow: Institut Nasledii Publ. (In Russian)
- Musaeva U.K. 2013. *The development of museum work in the Crimean ASSR (1921–1941)*. Simferopol: Krymuchpedgiz Publ. (In Russian)
- Nepomnyashchiiy A. A. 2005. *Arseniy Markevich: Pages of the history of Crimean local history*. Simferopol: Biznes-Inform Publ. (In Russian)
- Nepomnyashchiiy A. A. 2006. *Ascetics of Crimean studies*. Simferopol: SGT Publ. (In Russian)
- Nepomnyashchiiy A. A. 2008. *Ascetics of Crimean studies*. Vol. 2. Simferopol: SGT Publ. (In Russian)
- Nepomnyashchiiy A. A. 2012. *Nikolai Ernst: Pages of the history of Crimean local history*. Kiev: Stylos Publ. (In Russian)
- Sevastyanov A. V. 2006. "...The work of the Russian Society for the Study of the Crimea is extremely desirable in the interests of the Crimea...": archive documents testify. *Istoricheskoe nasledie Kryma* 12/13: 128–152. (In Russian)
- Sevastyanov A. V. 2009. At the turning point. Russian Society for the Study of the Crimea in 1926–1928: goals, activities, results. *Istoricheskoe nasledie Kryma* 25: 185–202. (In Russian)
- Sevastyanov A. V. 2010. *Ten years in the service of local history: Russian society for the study of the Crimea (1922–1932)*. Kiev, Simferopol: Dolia (In Russian)
- Sevastyanov O. V. 2018a. *Draw the history of the vicinities of the country: Society for the study of the Crimea (1922–1932)*. Kyiv: Vydavnichesky center of NUBIP Ukraine Publ. (In Ukrainian)
- Sevastyanov A. V. 2018b. *Institutions of the local history movement in the Crimea in the 20s and early 30s 20th century: Society for the study of the Crimea (1922–1932)*. Riga: LAP Publ. (In Russian)
- Sorochan S. B., Zubar V. M., Marchenko L. V. 2001. *Life and death of Chersonese*. Kharkov: Maida Publ. (In Russian)

Received: February 9, 2022

Accepted: March 25, 2022

Author's information:

Alexander V. Sevastyanov — PhD in History; spu.crimea@gmail.com